

История

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КОЛЛАБОРАЦИИ:

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Старая Басманная
Москва
2017

Научное издание

Ответственный редактор
А. Мартынов

История отечественной коллаборации: Материалы и исследования. – М.: Старая Басманная, 2017. – 396 с.: ил.

Сборник разоблачает мифы, оправдывающие коллаборацию, а также вводит в научный оборот ранее неизвестные тексты и факты о сотрудничестве советских граждан и русских эмигрантов с нацистами в годы Великой Отечественной войны и совершенных ими преступлениях.

Рассматриваются взаимоотношения власовцев и СС, карательная деятельность бригады Каминского, внутренние конфликты и противоречия между коллаборантами в составе так называемой 1-й Русской национальной армии, служба бывших красноармейцев в «белогвардейском» Русском корпусе, участие бригады РОА в боях в Италии в конце войны.

ISBN 978-5-906470-???????????????

© Коллектив авторов, текст, иллюстрации, 2017
© ООО «Старая Басманная», оригинал-макет, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Мартынов А.</i> Предисловие	5
<i>Семенов К.</i> «С товарищеским приветом Ваш Г. Гиммлер»: СС и власовское движение.....	7
Приложение	21
<i>Петров И., Мартынов А.</i> «Неприглядная картина кулис власовского движения»: Михаил Самыгин и его книга	25
<i>Самыгин М.</i> Русское освободительное движение	37
<i>Жуков Д., Ковтун И.</i> Репрессивная деятельность бригады Каминского на оккупированных территориях СССР в 1941–1944 гг.	123
Приложение	172
<i>Бэйда О., Петров И.</i> «Свержение коммунизма возможно только с немцами...»: Письмо и интервью Фаарида Капкаева	181
<i>Бондарев Д.</i> Обзор польских источников о военных преступлениях сводного полка бригады РОНА при подавлении Варшавского восстания 1944 г.	221
<i>Мартынов А.</i> «... Нет возражений по поводу изданий для казаков открыток с русским текстом»: К вопросу о культурной политике в 1-й казачьей кавалерийской дивизии	246
<i>Талалай М.</i> Итальянские свидетельства о Казачьем стане	251
<i>Белков А.</i> Начало Великой Отечественной войны в отражении русской эмигрантской прессы в Югославии	274
<i>Мартынов А.</i> Красные в рядах белых: К вопросу о службе советских граждан в Русском корпусе.....	284
<i>Жуков Д., Ковтун И.</i> Борис Хольмстон-Смысловский и НТС: История сотрудничества и противостояния	297

<i>Мартынов А.</i> «Настало время, чтобы чины 1-й Русской национальной армии покинули страну»: К истории пребывания войск Хольмстона-Смысловского в Лихтенштейне	339
<i>Шнеер А.</i> Лагерь Травники по материалам следственных документов НКВД, МГБ, КГБ и судебным процессам 1944–1987 гг. в СССР	346
Приложение	387
<i>Мартынов А.</i> К истории деятельности бригады РОА в Италии	388

Михаил Талалай

Итальянские свидетельства о Казачьем стане

Прежде чем перейти к непосредственным свидетельствам итальянцев о пребывании у них казаков, кратко напомним факты.

В сентябре 1942 г. в занятом немцами Новочеркасске, с санкции оккупационных властей, собрался казачий сход, на котором был избран штаб Войска Донского (с ноября 1942 г. – штаб Походного атамана). Фактически это означало создание местного самоуправления на территории, заселенной приблизительно 160 тыс. человек. В январе–феврале 1943 г., после наступления Красной Армии, из Тамани по льду перебрались в Таганрог 120 тыс. беженцев (среди них было 80 тыс. казаков, в т.ч. стариков, женщин и детей). Часть их стала основой будущего Казачьего стана, первоначально находившегося на Украине, где весной 1944 г. собралось лишь около 18 тыс. казаков вместе с семьями, остальные были распылены по разным европейским фронтам, погибли в ходе отступления или были захвачены наступающими частями Красной армии. В результате возникла мини-модель традиционного казачьего войска с иерархической структурой, размещавшаяся на обособленной территории, где дислоцировались действующие воинские части и располагались станицы. Управлял станом его создатель, бывший полковник Донской армии, походный атаман Сергей Васильевич Павлов, в советское время работавший инженером на одном из заводов Новочеркаска¹. Офицеры Казачьего стана привлекали в него казаков-беженцев, войной разбросанных по Украине.

Прибывающих казаков распределяли по донским, кубанским и терским «станциям».

¹ Талалай М. Полководцу, литератору, казаку // Посев. 2005. № 7. С. 45–46.

Немцы планировали размещать стан в районах партизанской активности, но из-за угрозы окружения казаков и их семьи весной 1944 г. по распоряжению немецкого командования переместили в Белоруссию, в район городов Барановичи – Слоним – Ельня – Столицы – Новогрудок, где и разместился штаб. Однако уже в июле казаков вывели в северную часть Польши, в район Белостока. Отсюда началась переброска Стана в Северную Италию в составе 11 полков (по 1 200 человек), вспомогательных частей, юнкерского училища, а также стариков, женщин и детей².

Еще осенью 1943 г., после успешного продвижения союзников на Апеннинах, на северо-восточных территориях Италии гитлеровцы учредили провинцию «Адриатическое побережье» (Adriatisches Küstenland), включавшую в себя регионы Удине, Гориции, Триеста, Любляны, – с целью укрепления своих позиций на итальянском фронте. В этом районе нацистским войскам угрожали не только постоянные бомбардировки союзников, но и всё возраставшее партизанское движение. Именно успехи коммунистической партизанской бригады им. Гарибальди вынудили вермахт послать в Италию казаков (и кавказцев).

Казачий стан находился в непосредственном подчинении начальника СС и полиции Adriatisches Küstenland обер-группенфюрера СС Одило Глобочника.

В конце июля – начале августа 1944 г. на железнодорожных станциях Карнии и Понтеббы выгрузилось около 20 тыс. казаков под командованием Тимофея Ивановича Доманова, сменившего на посту походного атамана Павлова, погибшего 17 июня 1944 г.

Казачьи отряды – официально Отдельный казачий корпус (Einzel-Kosakenkorps) – расположились преимущественно в Джемоне, заняв крепость Озопо и поселок Амаро, где поселились члены их семей. В сентябре 1944 г. в этом районе появился еще один казачий контингент. С ним прибыло немало беженцев из числа гражданского населения, разместившихся в Алессо, Каваццо и Толмеццо. Небольшие группы казаков обосновались также в Казарсе, Буйе, Майано, Сан-Даниеле, Чивадалезе (кавказцы расположились чуть севернее, в Пальца)³.

² Шкаровский М. Казачий стан в Северной Италии // Новый журнал. 2006. № 242. С. 203.

³ Талалай М. Полководцу, литератору, казаку. С. 46.

Итальянские поселения теперь назывались станицами. Казачий центр, Алессо, стал Новочеркасском, причем его главную площадь назвали именем атамана Платова, а одну из магистральных улиц – Балаклавской, в память об участии казаков в знаменитом сражении Крымской войны, запомнившимся современникам знаменитой атакой британской Легкой бригады и «тонкой красной линией» шотландских стрелков. В феврале 1945 г. покинувший Берлин 76-летний начальник Главного управления казачьих войск, участник Гражданской войны генерал от кавалерии Петр Краснов устроил свою главную ставку в Верценьис, в гостинице Savoia (в настоящее время – Stella d'Oro)⁴.

Точную статистику Казачьего стана определить трудно, по разным данным, она состояла от 21 500 до 35 954 человек⁵.

На 30 сентября 1944 г. его численность официально составила 15 590 человек, в том числе 8 435 гражданских (включая стариков, женщин и детей) и 7 155 военнообязанных, составлявших семь пеших полков и один конный. В октябре–ноябре к ним присоединилось еще более 6 700 военнослужащих казаков (в составе трех полков). Согласно рапорту генерал-майора Доманова, к 27 апреля 1945 г. численность стана составила 31 630 тыс. человек, в их числе 18 060 рядовых, унтер-офицеров и офицеров, а также 13 570 гражданских лиц⁶.

... 30 апреля 1945 г. командующий немецкими войсками на Юго-Западном фронте (в Италии) генерал-полковник Генрих фон Фитингхоф подписал приказ о прекращении огня, 2 мая должна была начаться капитуляция. В тот же день руководство Казачьего стана выпустило приказ о переселении на территорию Австрии, в Восточный Тироль, надеясь на почетную капитуляцию перед англичанами. В ночь со 2 на 3 мая казаки вышли в свой последний поход через Альпы. Он оказался очень тяжелым: вначале у селения Оваро партизаны перегородили горную дорогу и потребовали сдачи всего транспорта и оружия. После короткого боя казаки одержали победу и расчистили себе путь.

⁴ Талалай М. Полководцу, литератору, казаку. С. 45, 46; Шкаровский М. Казачий стан в Северной Италии. С. 206.

⁵ Мартынов А.В. По обе стороны правды: власовское движение и отечественная коллаборация. М., 2014. С. 331.

⁶ Шкаровский М. Казачий стан в Северной Италии. С. 205.

Знаменательно, что во время последнего похода казаки нередко убивали немецких офицеров, бежавших из Италии, и вообще всячески выражали антигерманские чувства.

В первый день Пасхи, 6 мая, почти все казачьи части, преодолев в тяжелых погодных условиях обледенелый альпийский перевал Плекен-пасс, пересекли итальянско-австрийскую границу и вышли в район Обердраубурга⁷. В Австрии казаки и члены их семейств – теперь их осталось 22 тысячи – сдались английскому командованию, которое 28 мая – 1 июня 1945 г. выдало их СССР (причем не только бывших «подсоветских», но и иностранных граждан).

17 января 1947 г. Краснов и его ближайшие соратники были казнены в Москве.

Об итальянских публикациях по истории Казачьего стана в 1944–1945 гг. подробно рассказывается ниже. Среди других зарубежных работ выделим следующие: Thorvald Jü. Wenn sie verderben vollen (1952); Huxley-Blythe P. The East came West (1964). Также в 2008 г. в Австрии (Инсбрук) вышел сборник статей «Die Kosaken im Ersten und Zweiten Weltkrieg» под общей редакцией Харальда Штадлера (Stadler), однако по теме Казачьего стана в нем дана лишь переводная статья Петра Крикунова. Из русских исследователей в первую очередь темой занялись эмигранты и их потомки. Здесь следует назвать имя Николая Толстого-Милославского, посвятившего казакам главы своих фундаментальных трудов «Victims of Yalta» (1978) и «The minister and the Massacres» (1986), а также генерал-майора Вячеслава Науменко, составившего 20 выпусков «Сборника материалов о выдаче казаков в 1945 году» (1952–1962)⁸, и книгу Александра Ленинова «Под казачьим знаменем в 1943–1945 гг.: Эпопея Казачьего Стана под водительством Походных Атаманов Казачьих Войск С.В. Павлова и Т.И. Доманова: Материалы и документы» (1970).

В России первые научные статьи о Казачьем стане появились в середине 90-х: Решин Л. «Казаки» со свастикой. Документы из архивов КГБ (Родина. 1993. №2. С. 70–82); сб. «Материалы по истории Рус-

⁷ Шкаровский М. Казачий стан в Северной Италии. С. 213–214.

⁸ Переиздано: Науменко В.Г. Великое предательство: в 2 т. Нью-Йорк, 1962, 1970. См. также: Науменко В.Г. Великое предательство. М.; СПб., 2008.

ского освободительного движения (статьи, документы, воспоминания)» (вып. 1, 4. 1997, 1999); Александров К.М. «Казачество России во Второй мировой войне: к истории создания Казачьего Стана (1942–1943)» (Новый часовой. 1997. №5. С. 154–168); Талалай М.Г. «“Казацкая земля” в Италии» (Наука, культура и политика русской эмиграции. СПб., 2004. С. 53–58); Шкаровский М.В. «Казачий Стан в Северной Италии и его церковная жизнь» (Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции / Сост., науч. ред. М.Г. Талалая. М.: Русский путь, 2006. С. 190–208). Из отдельных изданий выделим: Алферьев Б., Крук В. «Походный атаман батька фон Паннвиц» (1997); Крикунов П. «Казаки: Между Гитлером и Сталиным» (2005)⁹.

* * *

«...Теперь Гитлер отдал Карнию в руки русских [казаков], которых немцы собрали, защитили и накормили. Один немецкий офицер будет служить как связной между главным командованием немцев и русскими. Это – ватага огромных и могучих мужчин, вооруженных до зубов, на отличных лошадях, пригнанных из Польши. Впереди идет настоящая оккупационная армия – без женщин, состоящая из полковников, майоров, капитанов, лейтенантов и далее ниже по рангу»¹⁰.

Такую запись оставил 8 октября 1944 г. в своем дневнике священник дон Грациано Бория (1907–1980), настоятель прихода в Верценьис, в краю Карния, который, в свою очередь, входит в регион Фриули. Его дневник, несмотря на погрешности, простительные духовному лицу (в частности, в отношении воинских чинов казачьей армии), является одним из первых и воистину уникальным источником по казачьей эпопее в Северной Италии.

На том этапе войны итальянская администрация в Карнии, по сути дела, отсутствовала, так как весь край вошел в состав *Adriatisches Küstenland* Третьего рейха. Поэтому Берлин даже не снизошел до извещения своего союзника, Муссолини, о переселении казаков на север Апеннин, на коренные итальянские земли. По сути дела единственной местной структурой, которая каким-то образом вступила в отношения с воору-

⁹ См. также: Талалай М.Г. Русские участники итальянской войны 1943–1945 гг.: партизаны, казаки, легионеры. М., 2015.

¹⁰ Здесь и далее пер. с итал. автора статьи.

женными пришельцами, стала Католическая Церковь. Не случайно, что о прибытии Казачьего Стана известил Муссолини именно епископ из г. Толмеццо.

Дневник дона Грациано Бория уникален не только своим повседневным описанием формирования и распада «Казачьей земли» в Карнии, но и тем, что его автор стал одним из немногих лиц, которых казаки и их вожди воспринимали в качестве авторитетного представителя местного населения.

Переданный в епархиальный архив, дневник дона Грациано Бория уже давно попал в поле зрения исследователей, однако лишь недавно был целиком опубликован в редком издании¹¹.

Скрупулезное описание им самых мелких событий воссоздает общую панораму в ее историческом развитии – от ужаса и тревоги перед лицом вторжения, через привыкание к неожиданному и требовательному соседу, вплоть до сострадания и желания помочь казакам в момент смертельной для них опасности.

Первые октябрьские дни 1944 г. действительно представлены священником в самых драматических тонах:

«Бежавшие партизаны постреляли на прощание, вызвав со стороны русских тревогу, террор, вендетту. Приходской священник из Илледжо, дон Освальдо Ленна, пытался убежать через окно своего дома и в итоге очутился в городской больнице Толмеццо. Убили викарного священника, святого человека, дона Джузеппе Треппо, когда тот пытался защитить женщин от насильников, одержимых похотью. Дон Джузеппе погиб как мученик – от этих солдат, посланных в Карнию, будто бы это партизанский край. Заплатил своей жизнью. Через два дня его похоронили дон Карло Энгларио и священник-сезианец из Толмеццо. Продвижение шло по долине дель Бут, сея смерть, пожары, насилия, грабеж. Ошеломленное население стало понимать, что эти ужасы, возможно, были вызваны неразумностью партизан. Партизанское сопротивление – прекрасная идея, но в противовес юношеской бесшабашности необходимы дисциплина, порядок, мобильность, фураж. Никогда не сможет несколько тысяч партизан, разбросанных по ущельям, среди бедных деревень, защитить такой край, как Карния,

¹¹ Конференциальный сборник: *I cosacchi in Italia* [«Казаки в Италии»], 1944-'45 / a cura di A. Stroili. Tolmezzo: Edizioni Andrea Moro, 2008. P. 155–214. Публикатор дневника – Эвальдо Марцона.

от 60 тысяч казаков, посланных Гитлером, – от их вооруженного оккупационного войска, за которым идут их семейства и тыловые обозы» [8 октября 1944 г.].

Прибытие казаков произошло в два этапа. Сначала сюда прибыли части для «зачистки» территории, кровавые действия которых описаны в записи от 8 октября. После карательной операции прибыл уже собственно Стан. Местные жители были вынуждены отдать казакам свои дома, что неизбежно вызывало стычки и акты насилия со стороны пришельцев.

Бывали, однако, и случаи «мирного сосуществования»: жительница Джемона Джудиана Гравина (сестра известнейшей актрисы Карлы Гравина), например, рассказала автору настоящей статьи, что ее семье пришлось отдать казакам свою кухню, оставаясь при этом жить в доме; казаки запомнились ей своей деликатностью и дружелюбием: уходя, они подарили семье несколько предметов, в том числе самовар.

О прибытии казаков есть и такое современное свидетельство очевидца:

«Они, вместе со своими семьями, вселялись – вполне порядочно – в дома крестьян. Длинный обоз повозок напоминал [американских] пионеров. С собой они тащили телеги и животных – коров, лошадей. Когда заходили в дома, не без опаски, спрашивали – есть ли партизаны... Партизаны, конечно, предпочитали находиться в лесу»¹².

И у дона Грациано спустя уже неделю тон повествования несколько меняется:

«Казаки пришли как хозяева. Мы не знаем их языка, да и их характер не настраивает на общение. Приходится смириться с тем, что мы теперь не можем свободно передвигаться. Партизаны ушли в горы, но, взятые врасплох, они там не имеют хороших биваков. Зима у ворот, а столько всего неясного. Идол сопротивления потускнел, и все заняты лишь тем, чтобы приспособиться к новым строгим хозяевам. <...> Пришельцы весьма религиозны, и наши [с донем Джузеппе] облачения вызывают у них уважение и почет. Они учтиво нас приветствуют и готовы выслушать наши вопросы» [17 октября 1944 г.].

Крестьянская сметка священника – он уроженец этого края – приводит его к развитию отношений с оккупантами. Он пытается найти среди них наиболее коммуникабельных и владеющих хоть какими-то

¹² См. <http://www.donneincarnia.it/ieri/cosacchi.htm>

иностранными языками – преимущественно это были немецкие фразы и слова, которыми казаки овладели, передвигаясь из России через Центральную Европу в Италию. Главным собеседником становится для него некий казак средних лет, рассказавший о себе, что в прошлом он работал как инженер-горняк. Однако хрупкий баланс периодически нарушался разного рода инцидентами:

«Русские поднялись до Кьяйчиса в поисках сена для их лошадей. Пришли из Толмеццо. Местные жители, решив обескуражить их, стали бить молотами в колокола. Русские, боясь партизанской ловушки, поспешно бежали в сторону Интиссанса. Около 10 утра. Мчась на конных телегах, страшно кричат. Какая-то телега по дороге Кьяйчис–Интиссанс лежит опрокинутой. В Кьяйчисе очень довольны достигнутым успехом. Но он длился недолго. Казаки, спешно прибывшие из Толмеццо в Верценьис, объявляют о карательном походе на партизан в следующий день, 25 числа. В самом деле, рано утром внушительный отряд конных русских, вооруженных до зубов и сердитых, поднялся в Кьяйчис и, обложив деревню, собрал всех мужчин, старых и молодых, в дом Алессандрини Видуссоли – ради вендетты. Обыскали все дома. В деревне – поголовный страх, никто не может ни выйти, ни войти. Мужчины ждут смерти. Всего в одну комнату загнали 80 человек, без воды и пищи. Казаков не переубедить: Кьяйчис должен заплатить сполна за всех» [24 октября 1944 г.].

Даже знакомец священника, бывший «инженер-горняк», периодически напускает на себя строгость и требует у своего вчерашнего собеседника «бумаги», которые он, как и другие, называет по-немецки: «papier».

Казаки, посланные вермахтом в Италию, отдавали себе отчет, что это «временная» родина, причем препятствием возвращения на родину истинную для них оставался большевистский строй, причинивший столько бед казачеству в России и распространивший свое влияние в Европу. Главным противником в Карнии для казаков было партизанское движение, которое, конечно, не могло противостоять численно превосходящему и хорошо вооруженному противнику.

Ушедшие в горы партизаны-гарibaldiйцы, с прокоммунистической идеологией, совершали отдельные акты саботажа и постоянно обстреливали казаков (подчеркнем, что партизаны ставили своей целью очистить родной край от незваных пришельцев). Особую идейную остроту конфликту придало название партизанской бригады во Фриули – «Сталин»,

которой командовал младший лейтенант Даниил Авдеев, бежавший из плена и погибший в бою с немцами (14 ноября 1944 г.). Хотя бригада «Сталин» действовала не в самой Карнии, партизан-коммунистов в тех краях часто называли «сталинцами». Священник Грациано Бориа до прихода казаков идейно поддерживал Сопротивление и помогал партизанам, а его коллега из Фриули, священник дон Альдо Моретти даже лично участвовал в создании партизанской бригады «Озоппо». Как правило, между партизанами демо-католического толка и партизанами-коммунистами существовали серьезные разногласия (особенно ближе к словенским землям, в регионе Триеста, где возникали и этнические конфликты между итальянцами и словенцами, преимущественно титовской ориентации), однако в Карнии им удалось создать единый фронт против немецких нацистов, итальянских фашистов, а с осени 1944 г. – и против казаков. Связи дона Грациано с партизанами позднее вызвали серьезные подозрения у казачьего руководства.

«Меня ждут в Толмеццо. В одиночку спускаюсь и нахожу там в качестве переводчика русского мальчишку, который некогда верно помогал партизанам-«сталинцам». Меня допрашивают в присутствии мальчишки. Меня часто видели в Вилле-ди-Верценьис, также и в компании партизан. Мальчишка меня не выдает и переводит всё в мою пользу, не компрометируя. Меня расспрашивали о партизанских отрядах, их численности, расположении. Особенно их интересовал Леонардо Стефани, его деятельность и его помощь «сталинцам». Чудом отделался: мне пожали руку пять майоров, а мальчишка улыбался. Воспользовавшись случаем, прошу у них пропуск, «папир», по всем селениям Верценьиса. Пообещали дать на следующий день, 1 ноября, в Кьяйчисе. Ушел от беды, могшей стать последней в жизни, с великим вздохом облегчения. Поблагодарил Господа, а также, с улыбкой, мальчишку, в руках которого тогда была моя жизнь» [31 октября 1944 г.].

Совместная жизнь продолжается и даже как будто входит в нормальную колею, насколько это возможно при таких обстоятельствах. Постепенному сближению двух разных миров способствует христианский культ – с Казачьим станом прибыли православные священники, «попы», которым падре оказывает посильную помощь в организации богослужений. Одному из «попов» в дневнике уделено особое внимание, через общение с ним – редкая возможность! – дон Грациано (он пишет о себе иногда в третьем лице) пытается узнать больше о православии:

«Высокий, со включенной бородой, длинными волосами, одевается иногда как солдат, иногда в черное полинявшее одеяние до пят, на груди, на шнурке или цепочке – деревянный крест, размером 5 на 7 см. Вежлив, говорит только по-русски. Был семь лет в сибирских лагерях, потом бежал и примкнул к перемещенным кавказцам. Понимаем друг друга знаками и иллюстрированной доктриной¹³. Ведет себя учтиво и податливо. Просит у меня церковь в Кьяулисе для своих служб. Прошу разрешения у архиепископа и получаю на следующих условиях: 1) уносить святые дары из церкви; 2) убирать святой камень¹⁴ с алтаря, на котором будет совершаться церемония; 3) не участвовать в их службах без специального разрешения. Мне кажется важным пойти им навстречу и завоевать их расположение. Нельзя жаловаться на их поведение в церкви. Церемонии у них – необыкновенно долгие с чудесным хоровым пением. Потребляют много свечей, которые держат зажженными. Дон Грациано был на одной мессе, длившейся три часа. Итальянцы такое не выдержат! Облачения – древнего восточного типа. Для святой мессы используют красное вино. Хлеб – круглой формы с выдавленным крестом. О доктрине смог понять, что главные различия – в Папе и Филиокве. Однако относительно последней догматической истины даже и сами попы не смогли сказать что-то вразумительное. Учатся десять лет в обычной школе, потом их выбирает епископ и посвящает – без знания какого-либо языка, кроме русского. Служат, оставаясь жить в семьях. Женятся, если могут – работают. Кое-какие пожертвования от верующих [12 ноября 1944 г.]».

Испытывая понятный «профессиональный» интерес, итальянский священник подробно описывает церковные обряды и праздники, свидетелем которых он вынужденно стал: Рождество и Пасху, колядки и посты, разговления и похороны. Его коллеги по алтарю дважды отправлялись вместе в непростое путешествие – в городок Джемону ради необходимого для их богослужений вина – белого для дона Грациано и красного для «попа».

Вместе с тем продолжались и неизбежные трения. Казаки, хоть и получавшие от вермахта рацион, требовали от местного населения его «усиления», а для своих лошадей – сена (это, вероятно, часто слышимое слово дон Грациано приводит по-русски, правда, искаженно: «сима»).

Особый интерес представляют страницы дневника, отведенные Краснову, который приехал в Верценъис 12 февраля 1945 г. Отчего именно сюда? Сам священник объясняет это так:

¹³ Иллюстрированный катехизис.

¹⁴ Каменная плитка с мощами, подобие православного плата-антиминса.

Верблюды, странная форма одежды, непонятный язык...
Не удивительно, что итальянцы называли казаков «монголами»
Источник: Частная коллекция

Пропуск №251 18-Февраля 1944г
 Итальянцу Гаскини Ивине
 в том что ему разрешается проезд от
 Штормы в Штормы
 и обратно сроком до 17-го
 Января 1944 года
 Начальник Шторма
 Старшина ст. ч. Бессараев

Пропуск №305 2-Февраля 1944г
 Итальянцу Гаскини Ивине
 в том что разрешается проезд с Казанки
 до г. Казанки и обратно
 и обратно сроком до 2-го
 Января 1944 года
 Начальник Шторма
 Старшина ст. ч. Бессараев

Орскокомандатура
 Тольмеццо 7-11-44

Справка.

Дана итальянцу Россиа Гидо

В том, что ему разрешается проезд в....
 Тольмеццо и обратно
 из Шторма в Штормы
 и обратно

Действительно до 20-11-44

Орскокомандатура Тольмеццо
 Гуптман
 нач. гарнизона Тольмеццо
 Полковник
 7-11-44 (Торасенко)

Образцы пропусков, выданных администрацией Казачьего стана, позволявших итальянцам посещать места, из которых они были высланы.
 Источник: Частная коллекция

«<Краснов> выбрал Верценъис, так как представляется более надежным и далеким от бомбардировок. Джемона, где он остановился ранее на два дня, такой надежности не давала. Боимся, что теперь порядки для нас будут строже, но вместе с тем надеемся, что и казаки станут дисциплинированнее. Надеемся!»

Появление в краю авторитетного главы казачества (в Стане установилось видимое двоевластие, так как оставался на своем посту и его атаман Доманов) для дона Грациано представило возможность вновь возвысить свой голос против обид и притеснений, чинимых казаками. Испросив аудиенцию, он готовит специальную памятку.

«После разъяснений в приемной был принят. Помогает русская переводчица, в совершенстве знающая итальянский. Беседа сначала вертится вокруг обстановки, в которой мы все живем, потом я делаю усилию и достаю памятку. Он принимает ее весьма доброжелательно, обещает перевести на русский и призвать казаков к большей дисциплине. Краснов – высокий плечистый мужчина, голова – слегка набок. Производит одновременно впечатление доброты и достоинства. Седой как лунь, чисто выбрит, в кармашке жилета держит часы на цепочке, как это делали наши отцы. После этого первого визита к Краснову мы несколько воспряли духом. Но в действительности он практически ничего не смог сделать, чтобы обуздать своих молодых подчиненных. Хотя когда казаки узнали о моей встрече с генералом Красновым, они стали выказывать мне больше уважения» [25 февраля 1945 г.]

Священник встречался с Красновым дважды. Второй – и последний раз – в канун католической Пасхи, в субботний день 31 марта 1945 г.

«Краснов меня вновь принял. Говорили о демократии, об обращении России согласно откровениям в Фатиме (13 мая – 13 октября 1917 г.)¹⁵, о нищете, в которой мы все пребываем, об участвовавших случаях краж со стороны русских. Предложил ему связаться с [депутатом] Гортани¹⁶, но он не захотел. Об обращении России в католицизм не

¹⁵ В 1917 г. в португальском местечке Фатима трем пастушкам, согласно рассказу Лусии, единственной из них дожившей до взрослого возраста, неоднократно являлась Дева Мария; в одно из таких явлений Лусия услышала предсказание об обращении России (в католицизм), причем в тот момент девочка решила, что речь идет о какой-то женщине с таким именем.

¹⁶ Микеле Гортани позднее возглавил в Карнии Комитет национального освобождения (CNL), ячейку общенациональной антифашистской структуры, руководившей страной

хотел и слышать. С большим уважением отзывался о Пии XII¹⁷. Парижский кардинал наградил его золотой медалью за книгу «Ненависть»¹⁸. Заявляет, что Сталин будет осужден как предатель русского народа, но боится, что до этого еще очень далеко. Отдаю памятку, опечатанную на машинке. Снова говорит мне, что ее переведут. Допускает, что казаки – злые, но злые не по своей природе, а из-за их скитальческой жизни, которую они ведут уже более двадцати лет рассеяния. Во время беседы мне гостеприимно предлагают чаю. Я осмелился попросить немного сахара с собой – для моей матери. Мне дают четверть кг, с извинениями, что не могут дать больше. За столом ухаживает сама жена Краснова, маленькая женщина 80 лет, с абсолютно седыми волосами, учтивая и благородная, с милой улыбкой¹⁹. Знает кое-какие итальянские слова, говорит по-французски. Визит завершается обоюдными пожеланиями добра и пасхальными поздравлениями. <...> Больше я его не видел. Если бы он остался с нами, я мог бы его спасти.»

Последняя фраза явно дописана позднее. Дон Грациано создавал дневник следующим образом: сначала вел краткие ежедневные заметки, на базе которых затем писал расширенные тексты. Судя по всему, падре накануне бегства казаков из Италии, полный предчувствия трагического конца, пытался организовать их переговоры с партизанами ради перемирия и сдачи оружия. Этому воспрепятствовали следующие обстоятельства: 1) вожди казаков считали ниже своего достоинства вступать в переговоры с «бандитскими» отрядами; 2) итальянские партизаны преимущественно держались прокоммунистической ориентации, воспринимаемой крайне враждебно казаками; 3) руководство казаков, в первую очередь Краснов, верило в благородство англичан, которые были на стороне «белых» казаков во время Гражданской войны.

Последние дни представлены в дневнике следующим образом:

«Меня хочет видеть [казачий] полковник «Барбон». Принимаю его в час дня. Полковник вооружен ружьем. Расспрашивает меня о движе-

после падения муссолиниевского режима и изгнания немцев. Этот комитет также предложил казакам выработать условия капитуляции, но они отказались от переговоров, предпочтя уйти в английскую зону.

¹⁷ Римский папа Пий XII (1876–1958) был известен своими антикоммунистическими и прогерманскими убеждениями, а также как почитатель «Фатимских обетований».

¹⁸ Роман П.Н. Краснова, вышедший в Париже в 1930 г.

¹⁹ Лидия Федоровна Краснова, урожд. Грюнайзен (1870–1949); скончалась под Мюнхеном, в американской зоне оккупации.

ниях партизан, их численности, о бирюзовом автомобиле, проехавшем три дня тому назад. Я отвечаю, преувеличивая, дабы убедить его в необходимости сложить оружие и дезертировать. Убеждаю, что начались переговоры о капитуляции и что им ничего не будет, если они мирно сдадутся. Он слушает внимательно, но вовсе не убежден в капитуляции. На прощание дает мне руку, я отвечаю благословляющим жестом. Беседа шла с полчаса. <...> [29 апреля 1945 г.]

Около 17.30 идем поближе посмотреть уход. Встречаем «Барбона», который нас холодно приветствует. Всем проходящим мы желаем удачи. И поп уходит. Его сестра сидит на телеге, он стоит рядом. Мы тепло прощаемся с ним, но он молчит. Мы рады, что идет дождь – значит не будет бомбежки. Колонна трогается, и эти несчастные пошли навстречу своей смерти! Мы обмениваемся с доном Джузеппе тревожными мыслями. Если бы они нас послушали, то почти все спасли бы себе жизни. Вечером 2 мая в Кьяйчисе осталось всего 20 русских, все они – театральные актеры и музыканты, их собрала одна албанка, знающая итальянский. Она спрашивает нас, оставаться или нет. Отвечаем, что лучше остаться – под нашу ответственность. Позднее мы защищали этих бедных русских от гарибальдийских партизан, решивших завладеть их сундуками. Письменно защищали их и от англичан. Их собрали сначала в Треviso, потом в Риме. Попали в Бразилию: часто писали благодарности за добро, им сделанное» [2 апреля 1945 г.].

Заключительные страницы дневника описывают исход казаков из Италии и их последующую выдачу в Лиенце. Эти события священник пересказывает из чужих уст, и поэтому они обрастают легендарными подробностями:

«Из Карнии более 50 тысяч казаков должно было уйти в Австрию, где они надеялись найти передышку и защиту. Их преследовали партизаны, покинувшие свои норы и бродившие, как будто бы освободители, в поисках легких военных приключений, желавшие убивать, мстить, грабить. Боясь английских или американских победителей, которых не знали, боясь мести со стороны гражданского населения, казаки хотели побыстрее оказаться в Валь-де-Гаиле, за перевалом Пассо-Монте-Кроче. Пришел долгожданный момент освобождения для партизан и населения. Некоторые командиры покончили жизнь самоубийством, многие срывали с себя знаки отличия, чтобы избежать отмщения. Прикрывали отход казаки, прибывшие из Триеста, где они отличились жестокостью и умением отбиваться. Более 70 тысяч русских ушло-таки в Валь-де-Гаиле, неся с собой оружие до последнего момента, не сдав его ни партизанам, ни австрийцам. Там, как это мы узнали от уцелевших, все это людское море – мужчины,

женщины, старики, дети, с их телегами, лошадьми, скарбом, подверглись бомбардировке американцев и пулеметным расстрелам партизан, укрывшихся в горах. Погибли многие. <...> Сколько русских, попавших в руки сталинской армии, было казнено или брошено в воды Дуная²⁰!» [3 мая 1945 г.].

Военный период дневника священника заканчивается записью от 6 мая 1945 г.:

«6 мая, пополудни, появились англичане на быстроходных танках. Маршировали на Толмеццо, куда стекались союзники из Амарио, Виллассантины, Верценьяса. 8 мая отправились последние русские, оставшиеся в Кьячисе. В Толмеццо их собрали союзники и отправили в Удине-Тревизо. Если бы все послушались нашего совета, включая генерала, то могли бы спастись! Потому что всем, за исключением самых brutальных элементов, нечего было бояться! Однако военные события закончили жизнь бедняг на самом пороге их спасения».

Дневник донна Грациано Бориа остается непревзойденным итальянским источником, к которому прибавляется растущая с каждым годом литература разного плана.

Первые серьезные исследования в Италии, посвященные пребыванию Казачьего стана, стали появляться уже спустя несколько лет после окончания войны. Самые начальные публикации освещали события с точки зрения участников Соппротивления. К их числу относится книга Антонио Топпана (Torpan) «Факты и преступления немецкой оккупации в Карнии» (*Fatti e misfatti dell'occupazione tedesca in Carnia*, 1948), затем книга Пьетро Мениса (Menis) «Время казаков» (*Tempo di cosacchi*, 1949), а также обширная журнальная статья Антонио Фалескини (Faleschini) «Казачье нашествие во Фриули» (*Invasione cosacca in Friuli // Sot la nape, maggio-giugno 1951*, pp. 1–40).

В 1957 г. к истории казаков обратился Пьер-Арриго Карньер (Carnier), выпустивший книгу, в журналистском ключе, «Восемнадцать тысяч казаков в Карнии» (*Diciottomila cosacchi in Carnia*). В разного рода интервью Карньер сообщал о возможной причине своей исследовательской страсти – о благословении самого Краснова, увидевшего 8-летнего пригожего итальянского мальчика и погладившего его по голове. Оставив в стороне предания, следует признать, что автор серьезно увлекся

²⁰Правильно: Дравы.

темой, тщательно реконструировал события и предложил свою трактовку, реабилитирующую казаков. После многочисленных публикаций в периодических изданиях, в первую очередь в газете *L'Arena di Verona*, опубликовавшей около двадцати его статей, где Карньер приводит новые свидетельства и полемизировал со своими противниками, он выпустил в 1965 г. солидный труд «Казачья армия в Италии» (*L'armata cosacca in Italia*)²¹, а затем, в 1982 г., – *Lo sterminio mancato* («Несостоявшееся истребление»). Книга Карньера «Казачья армия в Италии» и поныне является в Италии богатейшим источником информации о Казачьем стане.

Менее известно, но также хорошо документировано (и, на наш взгляд, более взвешенно) исследование Марины Ди Ронко «Казачье-кавказская оккупация Карнии и Верхнего Фриули» (*L'occupazione cosacca-caucasica della Carnia e dell'Alto Friuli*), сперва появившееся в виде дипломной работы, а затем, в 1988 г., – как монография. Это – скрупулезная реконструкция событий, без лирических и эмоциональных отступлений, присущих тексту Карньера. Марина Ди Ронко продолжила в дальнейшем свой поиск, сосредоточившись на выявлении иконографии Казачьего стана, которую она представила на ряде конференций, но во многом оставила неопубликованной.

Наряду с этими двумя крупными работами в Италии в 1960–1980-е годы появился целый ряд воспоминаний партизан, непосредственных участников схваток с казаками и кавказцами, представлявший их в негативном ключе. Среди них – следующие мемуары: Франческо Вуга (*Vuga*) «Свободная зона Карнии и казачья оккупация» (*La zona libera di Carnia e l'occupazione cosacca*, 1966); Наталино Кандотти (*Candotti*) и Джанино Анджели (*Angeli*) «Свободная Карния» (*Carnia libera*, 1971); Чино Бокацци (*Bocazzi*) «Миссия Коль-ди-Луна» (*Missione Col di Luna*, 1977); Джулиано Де Кригнис (*De Crignis*) «Вилла Сантино-Инвиллино. Воспоминания о годе войны» (*Villa Santina-Invillino. Memorie di un anno di guerra*, 1987). В нашей статье мы оставляем в стороне историю кавказцев, которых вместе с другими восточными легионерами итальянцы ошибочно прозвали «монголами» или «русскими монголами». Они также участвовали в антипартизанских акциях и зачистках в Северной Италии.

²¹ В 1993 г. в венецианском издательстве *Mursia* вышло второе, дополненное издание этой книги.

Именно от рук «русских монголов» пал в Лигурии и Федор Полетаев, Герой Советского Союза, о чем писали итальянские ветераны-очевидцы сразу после войны, но о чем умалчивала советская историография²².

Кроме того, несколько публикаций организовал Фриуланский институт истории движения Освобождения (Istituto Friulano per la Storia del Movimento di Liberazione), так как именно регион Фриули стал сценой казачьей эпопеи. Институт по своему характеру представлял «партизанскую сторону», и его скрупулезно документированные тексты имели соответствующую интерпретацию. Среди них – статья Энцо Колотти (Colotti) и Джалиано Фогара (Fogar) «Хроники Карнии под нацистской оккупацией» (Cronache della Carnia sotto l'occupazione nazista // Il movimento di liberazione in Italia, aprile-giugno 1968, p. 60–102); книги Сильвии Бон-Герарди (Bon Gherardi) и Адрианы Петронио (Petronio) «Сопротивление во Фриули и Венеции-Джулии» (La resistenza nel Friuli e nella Venezia Giulia, 1979); Николетта Патерно (Paternò) «Люди из форта и казаки» (La gente del forte e i cosacchi, 1994); П. Стефанути (Stefanuti) «Новочеркасск и окрестности. Казачья оккупация Валле-дель-Лаго» (Novocerkassk e dintorni. L'occupazione cosacca della Valle del Lago, 1995).

Близок к жанру исторической очеркистики и труд русского эмигранта проф. Александра Иванова (Ivanov), собиравшего в 1980-х гг. по заданию Удинского университета, сведения о казаках и выпустившего затем книгу «Потерянные казаки: От Фриули до СССР» (Cosacchi perduti: Dal Friuli all'URSS)²³. Профессором Ивановым, вне сомнения, двигало сочувствие к соотечественникам, попавшим на итальянскую землю при печальных обстоятельствах. Он первым из местных авторов смог полноценно показать исторический контекст в СССР (разказывание и проч.), во многом прояснявший причины коллаборации казаков в 1941–1942 гг.

Исследования иногда (но редко) выходили за территориальные рамки региона Фриули: уже упомянутый Энцо Колотти, писавший прежде только о Карнии, расширил географию в книге «Адриатическое побе-

²² *Lazagna (Carlo) G. Ponte rotta. Genova, 1946. P. 195. Подробнее о «монголах» см. в нашей книге «Русские участники итальянской войны 1943–1945...». С. 175–194.*

²³ Год издания в выходных данных не указан, однако книга А. Иванова опубликована, возможно, в 1989 г. в издательстве Aviani.

режье²⁴ и Новый европейский порядок» (Il Litorale Adriatico nel Nuovo Ordine Europeo, 1974)».

В середине 1990-х гг. осуществилась важная попытка синтеза различных – чаще всего диаметрально противоположных – точек зрения: молодой историк Грегорио Венир (Venir) защитил в Болонском университете диплом о Казачьем стане, а затем его опубликовал в виде монографии: «Казачья Карния (I cosacchi in Carnia, 1995). Спустя десять лет, в 2004 г., близкую тему выбрал для своей дипломной работы – еще не изданной – выпускник Падуанского университета Антонио Десси (Dessi): «Казачья Карния в Карнии, август 1944 – май 1945, и их принудительная выдача советской стороне» (I cosacchi di Krasnov in Carnia, agosto 1944 – maggio 1945 e la loro forzata consegna ai Sovietici). Венир, широко используя фактологию Карньера, постарался снять его политизированную оценку Сопротивления, где партизанскому движению приписывалось преимущественно революционный, марксистско-сталинистский дух, а главной целью – социальный переворот в Италии. Подход Десси интересен тем, что он, по существу первым, вписал Казачий стан в социально-экономический, сельскохозяйственный контекст края.

В начале XXI в. новая серия публикаций связана с именем миланской русистки Патриции Деотто (Deotto), родом из Фриули. Ее монография «Станица Терская» (Stanitsa Terskaja) вышла в 2005 г. с подзаголовком «Казачья иллюзия об одном крае». Деотто, известная как тонкая ценительница русской литературы и автор многих статей о ее любимом персонаже, искусствоведке Павле Муратове, не случайно обратилась к казачьей теме: ее дед, знаток иностранных языков, как и сама Патриция, – родом из Верценьиса и в эпоху Краснова служил переводчиком для городских властей, объясняясь с казаками (отец Патриции ушел в партизаны).

Патриция собрала семейные предания, присоединив к ним устные рассказы местных жителей и серьезное изучение литературы – книг и периодики. Выпустив свою собственную книгу, она затем участвовала в серии конференций, проходивших в Верценьисе²⁵.

²⁴ Имеется в виду новая административно-территориальная область Третьего рейха – Adriatisches Küstenland.

²⁵ См. сборник материалов этих конференций: I cosacchi in Italia [Казачья Карния в Италии]... // Указ. соч. Р. 71–82.

Наряду с ней в последние годы немало опубликовал Фабио Верардо (Verardo), увлекшийся казачьей темой, в первую очередь яркой фигурой Петра Краснова. В 2010 г. он издал книгу «Казачи Краснова в Карнии» (*I cosacchi di Krasnov in Carnia*), а в 2012 г. итальянская литература дождалась отдельной монографии об атамане – «Атаман Краснов: История казака от Дона до Фриули» (*Krasnov l'atamano. Storia di un cosacco dal Don al Friuli*)²⁶.

Особенно интересно отражение казачьей темы в итальянской беллетристике. Самое первое художественное описание казачьей эпопеи во Фриули принадлежит перу литератора Бруны Сибилле-Сиции (*Sibille Sizia*). Ее повесть «Недоступная земля: История казачьей армии во Фриули» (*La terra impossibile. Storia dell'armata cosacca in Friuli*) вышла в Удине в 1956 г.: в ней все симпатии автора находятся на стороне местного населения и партизан (впрочем, писательница признает и трагический фатум казаков). Книга стала бестселлером во Фриули и была четырежды переиздана – в 1956, 1958, 1991 и 1992 гг.²⁷ Ее несомненное достоинство – память автора, уроженки фриуланского селения Тарченко, которая сама видела кровавые события, ею описанные: уход местных жителей в партизаны, облавы и казни. Фундаментальным подспорьем стал дневник, который она вела в 1943–1945 гг.

Уникален рассказ Леонарда Заньера (*Zanier*) «Carnia, Kozakenland, Kazackaja zemlja», написанный на фриуланском диалекте (опубликован в Удине в 1994–1995 гг. издательством *Mittelcultrura*). Его автору было 9 лет, когда он увидел казаков и кавказцев в родных краях: страх перед пришельцами перемешивался с детским восторгом перед экзотическим видом и бравадой джигитов.

Изящно написана небольшая повесть Клаудио Каландры (*Calandra*) «До свидания. Подсолнухи Бори» (*Do svidania. I girasoli di Boria*, 1994). Ее герои – два мальчика, итальянец Клаудио (сам автор) и казачонок Боря, подружившиеся на драматическом фоне казачьей оккупации. Каза-

²⁶ Результат, впрочем, получился малоудовлетворительный: в книге, имеющей более 650 страниц, лишь около полусотни посвящено итальянскому периоду биографии атамана, не без неточностей. Основная заслуга автора – первая презентация в Италии боевого, в период Первой мировой и Гражданской войн, и эмигрантского периодов жизни Краснова.

²⁷ Автор впоследствии вернулась к казачьей теме; см.: *Sibille-Sizia B. Un pugno di vento [Горсть ветра]*. Udine, 1992.

чонок в конце повести гибнет, и на его могиле вырастает подсолнух – согласно казачьей легенде, как сообщает писатель, подсолнухи вырастают на могилах праведников.

В середине 1980-х гг. печальный эпизод времен Второй мировой войны неожиданно привлек внимание двух крупных мастеров итальянской культуры. В 1984 г. журнал «Rivista Milanese di Economia» предоставил свои страницы выдающемуся германисту из Триеста профессору Клаудио Магрису и его повести «Размышления об одной шашке» (*Illazioni su una sciabola*). Впоследствии повесть была издана (и неоднократно) отдельной книгой и переведена на десятки языков. Чуть погодя, а именно в начале 1985 г., миланское издательство «Мондадори» выпустило на книжный рынок Италии роман Карло Сгорлона «Армия утраченных рек» (*L'armata dei fiumi perduti*), завоевавший в том же году престижную литературную премию Стрега.

Обе эти публикации представляют собою высокие образцы итальянской литературы, имеющие совсем иное, гуманистическое, видение трагедии казаков – в отличие от большинства упомянутых выше работ, не отличающихся высокой художественностью и с тенденциозным, «ангажированным» подходом.

Небольшая повесть или, точнее, большой рассказ Магриса имеет форму монолога. Герой-повествователь, пожилой священник дон Гвидо, живущий в доме для престарелых клириков в Триесте, пишет свои воспоминания о пребывании казаков в Карнии по просьбе епископа, комплектующего епархиальный архив, и делится размышлениями со своим другом, священником дон Марио. Текст организован как большое послание, открывающееся словами «Дражайший дон Марио». Согласно автору, дон Гвидо осенью 1944 г. выполнял деликатное поручение своего священноначалия, отправившись в станицу казаков убеждать их быть милостивыми по отношению к несчастному мирному населению, и теперь вспоминал давние дни.... Скорее всего, писатель Магрис имел доступ к дневнику дона Грациано Бориа, широко цитированному выше, так как многие детали досконально совпадают.

В местечке Вилла-ди-Верченъис дон Гвидо встречается с атаманом Красновым (напомним, что единственным местным священником, встречавшимся с Красновым, был дон Грациано). Священник вспоминает обстоятельства «трагической и гротескной оккупации Карнии каза-

ками, союзниками немцев, которых эти немцы заставляли выполнять ничтожные дела, соблазняя их невозможными обещаниями и делая из них своих соучастников и жертв, преследователей других жертв».

Герой книги пытается раскрыть загадку гибели Краснова, ибо параболы жизни атамана «могла бы расшифровать – от обратного – параболу жизни» самого дона Гвидо. Особенно его занимала возникшая во Фриули легенда, что знаменитый атаман пал жертвой партизанской атаки 2 мая 1945 г., что никак не могло иметь места: 27 мая 1945 г. Краснов сдал свою шашку английским офицерам, а 17 января 1947 г. казнен в России. На самом деле погибшим оказался генерал-майор Федор Дьяконов, позднее перезахороненный на немецком военном кладбище в Костермано.

Дон Гвидо обрисовывает последние месяцы пребывания Краснова в Италии (при этом автор показывает знание книг, написанных Красновым в Париже в 1920–1930-х гг.). Старый атаман в книге Магриса почти приобретает черты героя древнегреческой трагедии: человек высокой культуры и чести, он осознает свой рок, но не пытается от него уклониться и бесстрашно идет навстречу смерти. Повесть Магриса, тепло встреченная и публикой, и критикой, была поставлена на сцене фриульского городка Чивидале во время фестиваля *Mittelfest*; не раз возникали проекты ее экранизировать, пока ничем не закончившиеся. Станным образом, при ряде переведенных на русский язык книг Магриса, эта его «русская» повесть еще не нашла своего переводчика.

Настоящий эпический размах приобрела казачья «одиссея» у романиста Карло Сгорлона. Его «армия утраченных рек» – это армия далеких Дона, Кубани, Терека, сравнимая с «табуном, потерявшим свои пастбища, свои реки и ушедшая вдогонку за миражем других пастбищ, других рек». Писатель представляет казаков глазами фриуланских крестьян, увидевших из своих окон «последнюю новинку войны, самую странную из всех прежде бывших». Согласно Сгорлону, казаки, охваченные меланхолией и ностальгией, «ощущали себя покинутыми, одинокими в чужой стране – так же как альпийские стрелки в России – среди ненавидевшего их населения. Вместе с тем после долгих скитаний по России и Европе они пытались себя убедить, что наконец-то прибыли на место, где смогут обосноваться на более долгий срок». Действие романа развивается вокруг Марты, служанки богатой дамы-еврейки, отправленной в концлагерь. Марта остается одна в большой вилле, куда вселяется

группа казаков: пожилой генерал-белогвардеец Гаврила, казак Урван и старая казачка Дунайка с сыном Гиреем и внуком Лукой. Гиреем овладевает безответная страсть к крестьянской девушке Альде, гибнущей затем от его руки. С того момента крестьяне видят в казаках лишь ненавистных оккупантов. Печально заканчивается и любовная история между Урваном и главной героиней: казак уходит в Австрию, а Марте партизаны выбривают голову за «коллаборационизм». Роман строится на конфликте между образами «земли обетованной» и «земли утраченной». Карния, эфемерная *Kozakenland*, Казачья земля, – это всего лишь краткий этап на пути к неизвестной цели. Казаки, потерявшие собственные корни, выражают свой воинственный и необузданный нрав во время стычек с партизанами. Ищет и не находит родину и атаман Краснов, устроивший в «станции» жилье в традиционном казачьем стиле. В итоге казаки гибнут – но, по Сгорлону, не за то, что они предали российское (советское) государство, а за то, что предали родные станицы, уйдя на чужбину.

В целом в Италии как историческая литература, так и беллетристика отразила двойственное отношение к вторжению казаков: да, они пришли на Апеннины вместе с агрессором и способствовали ему, но сами были при этом жертвами политических репрессий у себя на родине и лживых обещаний со стороны новых немецких хозяев. Не мог не тронуть сердобольных итальянцев и тот факт, что сюда переселился целый народ (пусть и вооруженный) – с детьми и стариками, крестьянским скарбом, живностью, с богатыми религиозными, военными, музыкальными и прочими традициями. Только этим можно объяснить появление мемориальной доски на доме в Верценьисе, где жил генерал Краснов. Других подобных мемориальных досок в Италии нет и не может быть.